

19. Эпштейн М.Н. Мир как матрица / М.Н. Эпштейн. – URL: http://www.chaskor.ru/article/mir_kak_matritsa_25366

20. Русский журнал. – URL: http://old.russ.ru/antolog/intelnet/fs_stereoethics.html

21. Фалько В.И., Кирилина Т.Ю. Экологическая культура и нравственные ценности студенческой молодежи (опыт социологического анализа) / И.В. Фалько, Т.Ю. Кирилина // Лесной вестник. – № 2 (78).

22. Чеклецов В.В. Гибридная реальность NBICS, как интерфейс человек/машина, Человек-NBICS машина: исследование метафизических оснований инновационных антропотехнических проектов / В.В. Чеклецов // Рабочие тетради по биоэтике. – Вып. 13. – М.: Моск. гуманит. ун-т, 2012. – С. 99–110.

ДОМ И ВЕЩИ КАЗАНСКОГО МЕЩАНИНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. В СТРУКТУРЕ ВИЗУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Бессонова Татьяна Викторовна

кандидат исторических наук, доцент,

*Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского)
федерального университета,
Россия, г. Набережные Челны
e-mail: bessonovaty@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению дома казанского мещанина как визуально выраженной среды обитания, в которой реализовывались повседневные жизненные практики. Исследование мещанского домовладения как структуры повседневности показывает, что дом несет смыслы, отражающие восприятие мира, характерное для традиционных доиндустриальных обществ. Одновременно наблюдаются новые веяния, постепенно приближающие мещанский дом к дому горожанина индустриальной эпохи.

Ключевые слова: мещанство, повседневность, образ жизни, домовладение.

История российского мещанства является одной из тем, активно изучаемых отечественной наукой в последнее десятилетие. Являясь массовым слоем рядового городского населения, мещанство не пользовалось повышенным вниманием традиционной социаль-

ной истории. Антропологический поворот в исторической науке позволил заново прочесть источники и сконцентрировать внимание на человеке в истории, показать малый жизненный мир как пересечение макропроцессов в конкретно-историческом проявлении. Человек прошлого перестал быть абстрактной моделью, он стал исторической реальностью, преломляющей в своем внутреннем мире современную ему эпоху, одновременно участвуя в процессе ее трансформации.

Реальность существования человека отражается в вещах. Мир вещей – визуально выраженная среда обитания, которая формируется человеком в процессе его повседневной жизни и отражает социальную и национальную идентичность, ментальные установки, эстетические приоритеты. Концентратом вещного, предметного мира человека является дом – жизненное пространство, формируемое человеком в заданных исторических условиях, в котором осуществляются стратегии поведения, реализуемые в повседневной жизни. Анализ материального окружения человека, им созданного, накопленного и сбереженного, позволяет осознать бытовое поведение как сферу воплощения скрытых культурных кодов, отражающих нормы и ценности целого общества, о чем одним из первых в отечественной науке писал Ю.М. Лотман [12; 13].

Подобные культурные коды сложились в типичные образы боярских хором, дворянской усадьбы, крестьянского двора. Устойчивые культурные определения получил и мещанский быт. С легкой руки А.И. Герцена термин «мещанство» приобрел внесловное, этическое значение, что было подхвачено русской литературой и воплощено в ярких и хлестких оценках. «Мещанство – это узость, плоскость и безличность, узость формы, плоскость содержания и безличность духа», – писал вслед за А.И. Герценом Р.В. Иванов-Разумник [9, с. 15]. Применяя термин в двух смыслах, узком словном и широком этическом, А.И. Герцен подчеркивал, что первое значение является только частным случаем второго, распространяя мещанство как этическую характеристику на самые широкие слои населения [6]. И все-таки показательно, что для универсального понятия, обозначающего весь комплекс зарождающейся массовой культуры – усредненной, безличной, потребительской – было ис-

пользовано определение именно мещан. Сконструированное властью как «средний род людей», мещанство являло собой массовую группу городских обывателей, образ жизни которых был наиболее типичен для городского населения. Не случайно сам термин «мещанин», использованный Екатериной II для обозначения новой сословной группы, понимался современниками как «местный житель», «горожанин вообще». Мещанство стало синонимом обыденности, общности, которые при эмоционально-экспрессивном окрашивании приобрели значение обывательщины, выраженной в материальной культуре. «Накопить фортуны и иметь как можно больше вещей – это обратилось в самый главный кодекс нравственности, в катехизис парижанина», – писал, путешествуя по Европе, Ф.М. Достоевский в «Зимних заметках о летнем впечатлении» [7, с. 407]. Так было определено одно из главных качеств мещанского образа жизни – вещизм, активно обличаемый в советские времена. На другое качество – эстетическую примитивность и вульгарное украшательство – обращал внимание А.И. Герцен: «Все получает значение гуртовое, оптовое, рядское, почти всем доступное, но не допускающее ни эстетической отделки, ни художественного вкуса» [6].

Литература и публицистика второй половины XIX – начала XX в. содержат массовые примеры, подтверждающие точность приведенных характеристик, тогда как образ жизни мещан дореформенной России привлекал гораздо меньше внимания. А ведь именно к началу XIX в. завершился процесс формирования данной сословной группы в юридическом, экономическом и социокультурном смысле, сложилась мещанская идентичность. Мещанин являл собой типичного горожанина, носителя городского образа жизни. Создание мещанства было практикой оформления городского гражданства, отличного от дворянства и крестьянства, а принадлежность к мещанству осознавалась как достойная характеристика. Так, в конце XVIII в. в России вышла переводная книга по военноморскому делу, эпиграф к которой имел символическое звучание:

«Дворянства не хочу в свой век я получить,
В мещанстве я рожден, хочу в мещанстве жить!
Дворянства же купя, свой промысел забудешь,
Ни рыба ты, ни мясо будешь» [2].

Уважительное отношение к мещанину звучит и в «Моей родословной» А.С. Пушкина. Противопоставляя себя «новым русским аристократам», подчеркивая длительное историческое бытование своего рода, поэт называет себя мещанином, самостоятельно и достойно зарабатывающим себе на жизнь:

«Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой, я мещанин» [27, с. 330].

Изучение повседневной культуры казанского мещанства позволит соотнести клише мещанского образа жизни с реальными быденными практиками и воссоздать систему ценностей дореформенного мещанина, наиболее близкого по духу той идеологии, которую вкладывала в мещанство Екатерина II. Исследование мещанской повседневности интересно и тем, что само мещанство – символ обыденности, обычности, оно культивировало ценности повседневной жизни маленького человека. Эта жизнь протекала в условиях перехода России к индустриальному обществу. Исследование материальной среды, создаваемой мещанством, позволит понять, насколько глубоко модернизационные процессы затронули городское население и в каких формах были воплощены.

Средой обитания человека, в которой реализовывались его повседневные стратегии жизни, является дом – связующее звено в картине мира. «Строя себе дом, – писал И.А. Ильин, – человек создает себе оплот телесного существования и средоточие духовной жизни, он устраивает себе лично-интимный угол на земле, свой священный очаг, как бы свое внешнее я» [10, с. 279]. Наиболее ценными источниками для изучения мещанской бытовой культуры являются описания имущества, составленные при переходе домовладения в опекуновое управление, а также по случаю распродажи имений несостоятельных должников. Источники содержат детальное описание движимого и недвижимого имущества мещан с указанием количества, стоимости и качественного состояния. Основой имущественного благосостояния был дом, он осознавался как надежное и устойчивое убежище, фундамент бытия – этим объясняется пристальное внимание к характеристике дома. Описания иму-

ществ подробнейшим образом перечисляют, из каких материалов сделаны стены, двери, пол и потолок, сколько в доме окон, печей, дверей, лестниц. Детально описаны двери «плотницкой работы на петлях и крючьях железных», окна с двойными рамами на болтах, заслонки и выюшки на печах.

Само владение собственным домом было для мещанина признаком социального престижа и далеко не все мещане были домовладельцами. По именному списку казанских мещан, составленному в 1858 г., из 1527 мещанских семей владели собственными домами только 352 мещанина, что составляет всего 23% [26]. Характерно, что все источники говорят о мещанском доме, иногда о флигеле, но никогда об избе, это подчеркивает городской характер жилья. Состояние домов, качество и размеры были существенно различными. Мещанка Катерина Ивойлова в 1826 г. заложила приказу общественного призрения каменный двухэтажный дом с антресолями, крытый железом, «в нем покоев 14, в коих дверей с санными 20, окошек 34 с двойными рамами»; в доме были бревенчатые потолки и штукатуренный пол, а вход во двор был через створчатые ворота на каменных столбах со сводами [24, л. 6]. По-видимому, весьма престижный дом, приемлемый для проживания дворянского семейства, имел Михаил Синьков, у которого титулярный советник и кавалер Зиновьев снял «в верхнем этаже больших 5 покоев» [15, л. 18 об.]. На другой полюс качества жилья можно поставить имущество Гавриила Петрова, который имел «флигель деревянный одноэтажный с чердаком <...> во флигеле 3 окна без рам, полов и печей в нем нет, в чердаке окно, пол и потолок досчаные и одна русская печь. При них холодные в два этажа сени, нижний этаж сеней в одну сажень вышины забран пластником без пола, а верхний этаж забран тесом, так же без пола и потолка. Все означенное строение крыто тесом <...> и находится в разрушенном и неудобном для жительства положении» [16, л. 8–8 об.].

Мещанское домовладение было сосредоточием стратегий жизни, определяющих формы повседневного существования и выживания человека той эпохи. «Дом и равным образом основные, т. е. употребительные формы утвари, оружия, одежды и посуды принадлежат к тотемной стороне бытия. Они характеризуют не вкус,

но навыки борьбы, жизни и работы», – отмечал О. Шпенглер [30, с. 423–433]. Нередко при доме находились предприятия – так, во дворе уже упоминавшейся Ивойловой было 2 мыловаренных завода, каменная палатка и жировой склад. Мещане Зайцевы обладали внушительным дворовым местом в 476 квадратных саженой и выстроили две кожевни с девятью и семью чанами, дубильней и сушильней, помимо них во дворе были вмурованы два котла с кирпичным очагом. Значительная часть мещан занималась мелкой торговлей и хранила в домах необходимые для нее приспособления. Так, в имуществе Муссы Максютובה описано 16 чугунных гирь разного веса, а также два вида весов со скалами [22, л. 27]. Козьма Липин пользовался двумя медными безменами, весами со скалами и железными цепями, многочисленными чугунными гириями [19, л. 22].

Практически все мещане-домовладельцы имели лошадей и собственные средства передвижения, об этом говорят как постройки, так и характерные вещи. Конюшня с тремя стойлами и каретный сарай были у Ивойловой, лошадь, конская упряжь и двое катовых саней – у вдовы Абзялиловой [23, л. 6 об.]. Клементий Грязев имел мерина с телегой, хомуты и узду [25, л. 50], а Козьма Липин выстроил во дворе каретник, в котором стояли дрожки, два роспуска без колес, сани, дрожки без рессор со всем прибором [19, л. 22]. Мещанин Ягоферов содержал в конюшне гнедого мерина, а в каретнике хранились телега на шиновых колесах [20, л. 14]. Мусса Максютובה имел несколько повозок, ветхий характер которых подтверждает их активное использование: татарскую тележку на манер дрожек с сиденьем, обитым лакированной кожей, летнюю повозку с откидным верхом, зимнюю повозку с кожаным верхом, простые сани и два резца на полозьях, соответствующую конскую упряжь.

Лошадь была не только тягловой силой для обеспечения бытовых хозяйственных нужд, но и одним из источников дохода мещанина. Так, ежегодно в начале осени в городской думе рассматривались массовые прошения мещан разрешить перевозки товаров с Бакалдинской пристани в Казань и обратно. Перевозом занимались преимущественно мещане-татары, нередко совместно с крестьянами-татарами из Казанского уезда, подчеркивая, что этот промысел – единственный источник дохода «для пропитания бедного нашего

семейственного положения и не имея больше никаких средств снискать как оным промыслом» [17, л. 191]. В зимнее время мещане вели мелкую торговлю зерновым хлебом на Хлебной площади без палаток и балаганов, а прямо с саней [17, л. 221]. Существенный заработок давал извоз, особенно во время праздничных гуляний. Одной из казанских традиций было «катание на татарах» во время масленичной недели, когда татары-извозчики катали ездовых из одного конца города в другой [4, с. 161].

А вот имущество Ахмета Карташева – две шерстяные попоны, седло с прибором, кожаной подушкой и арапником, хомуты и нагайка – позволяет предположить, что лошадь им использовалась для верховой езды, в том числе для охоты. Среди вещей Карташева мы встречаем английское ружье, патронташ, пороховую фляжку и кожаный кошелек для дроби, кинжал и даже колчан со стрелами [21, л. 10].

Практически все исследователи отмечают существенную роль в жизненном укладе горожан в указанный период сельскохозяйственных занятий. Однако для Казани это нехарактерно, что подтверждается и описанием мещанского имущества. Так, среди анализируемых домовладений только у Ивойловой был коровник, 2 козы у Абзялиловой, 10 кур и 1 петух у Грязева. Зато в каждом домовладении встречаются обязательные дворовые постройки: амбары и погреба, реже сараи и лабазы. Каждая семья еще сама перерабатывала и запасала на длительный срок необходимые продукты питания и корм для лошадей. У многих семей были огороды и сады, поставлявшие продукцию как для личного употребления, так и для продажи. Но в усадьбе Катерины Ивойловой сад, засаженный не только практичными яблонями, но и романтическими акациями и липами, уже выполнял эстетическую функцию.

Внешний вид домов в основном сохранял традиционные черты, характерные для русских городов, что было предметом специального изучения исследователей [1; 8; 28]. Абсолютное большинство домов были из соснового леса разной степени сохранности, крыты «по лубу драньем», иногда тесом, каменные дома крылись железом. Все дома имели сени и крыльцо. Однако в облике домов можно наблюдать уже новые веяния. Заметным явлением было стремление

увеличивать число жилых помещений как за счет перегородок, так и за счет надстроек. Так, в доме Ивойловой было 14 «покоев», а на втором этаже еще и антресоли. На 6 покоев разгорожен одноэтажный двухсрубный дом Зайцева, жилым помещением был и чердак – там была внушительная комната в три окна и изразцовая печь «голландка». У Ягоферова на первом этаже было 2 комнаты, а на втором – четыре, к дому была пристроена летняя кухня с амбаром, над которой располагался теплый чердак с «голландской» печью. Подобное стремление увеличить число жилых помещений объясняется не столько большой численностью домохозяев в мещанских семьях, сколько активной сдачей жилья внаем, что служило существенным источником дохода мещан. Ягоферов даже выстроил два крыльца, ведущие на второй этаж, что позволяло арендаторам иметь отдельный вход в свои помещения.

К числу новых явлений следует также отнести применение в облике домов модных для того времени архитектурных элементов, самым ярким из которых является венецианское или итальянское окно. Подобное окно было на чердаке дома Петрова, на крыльце, ведущем на второй этаж у Ягоферова, и у него же на втором этаже над амбаром. Согласно словарю архитектурных терминов итальянским называлось арочное полуциркульное окно, разделенное на три части вертикальными перемычками, являющееся характерным элементом архитектуры русского классицизма второй половины XVIII – начала XIX в. [5].

Таким образом, тенденция к уменьшению дворовых построек, связанных с традиционными сельскохозяйственными занятиями, свидетельствует об усилении публичной составляющей жизни, что отмечал в своем исследовании М.Г. Рабинович [28, с. 124]. Значительно меньше стало сооружений для обработки урожая и содержания скота – сушилен, сараев, коровников; меньше стало ледников, погребов, бань. Одновременно развивается сфера городских услуг, происходит процесс открывания жизни – мещане ходят в трактиры, посещают городские бани, публично моют белье в городском озере. Развивается торговля, что позволило уменьшить необходимость создавать и хранить большие запасы продовольствия. Жизнь становится более многообразной, сложной, наполненной разными

действиями, процессами и событиями, так же усложняется и пространство повседневности.

Однако эти явления соседствуют с сохранением традиционной хозяйственно-бытовой замкнутости. Мещанский дом уже не усадьба-крепость, как в средневековье, дом не стоит в глубине двора, а выходит окнами на улицу. Однако во всех упоминавшихся источниках он обнесен как со стороны улицы, так и со стороны двора забором из бревенчатого леса, что отгораживало дом и создавало устойчивое приватное пространство. Все двери снабжены скобами и железными затворами. Окна забраны ставнями, открытие и закрытие которых выполняло важную знаковую функцию разделять утренние и вечерние часы, обозначая время дня и ночи [28, с. 119]. Но помимо темпорального смысла ставни были также символом отгороженности дома от внешнего мира, замкнутости и закрытости частной жизни мещанина. Как отмечал Ж. Бодрийяр в «Системе вещей», «разделенность внутреннего и внешнего пространства, их формальная противопоставленность в социальном плане собственности и в психологическом плане имманентности семьи превращают такое традиционное пространство в нечто замкнуто-трансцендентное» [3, с. 4]. В этом плане организация пространства мещанского двора и дома позволяет говорить о еще значительном сохранении черт традиционной культуры.

Дом находится на границе двух миров – частной жизни и жизни общества, и характер переплетения приватного и публичного отражает социальные структуры своей эпохи. «С одной стороны, дом принадлежит человеку, олицетворяет его целостный вещный мир. С другой стороны, дом связывает человека с внешним миром, являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека» [29, с. 65]. Несмотря на стремление закрыть частную жизнь от посторонних глаз, разделение приватной и публичной стороны жизни, характерное для современного человека, еще не произошло. Мещанский дом являлся сосредоточением хозяйственных функций, он был совмещен с производством и иными способами добывания средств к существованию, поэтому публичная и приватная жизнь мещанина были достаточно тесно переплетены. Этот вывод подтверждается структурой домового пространства.

Зонирование внутреннего пространства дома является отражением процесса разделения частной и публичной жизни, когда дом избавляется от хозяйственных функций и становится сосредоточием приватной стороны жизни. Соответственно, выделяются зоны, доступные для посторонних, и зоны укромные, где протекала частная жизнь — спальня, кабинет, детская. В описаниях мещанских домов подробно изображена внутренняя структура, состоящая из отдельных «покоев», «горниц», но их функциональное предназначение практически нигде не уточняется. Можно предположить, что при всем внимании к мельчайшим деталям дома эти покои не имели четко закрепленной степени публичности, и в доступных источниках мы не встречаем помещений, явно выделенных для частной жизни. Зонирование пространства осуществлялось по утилитарному принципу: источники отмечают наличие сеней, чуланов, мест для приготовления пищи. Последние именовались по-разному: у Клементия Грязева на дворе была построена двухэтажная холодная варница [25, л. 115], у Козьмы Липина в доме находился стряпильный покой [18, л. 30], а Яхья Ягоферов приделал к сеням дощатую летнюю кухню [20, л. 11 об.]. Выделение зоны для частной жизни мы встречаем только у Липина: одна из комнат в его доме на втором этаже именована спальней [18, л. 30]. Однако мы можем наблюдать начало процесса функционального разделения пространства. Как было упомянуто выше, в мещанских домах много внутренних перегородок, комнат, закутков, но их предназначение еще не зафиксировано в однозначных смысловых определениях.

Пищу готовили в печах — везде упоминаются кирпичные стряпильные печи, а у Ягоферова еще и с двумя вмазанными в них котлами. Отопление практически везде было представлено голландскими изразцовыми печами, которых иногда было по несколько в доме; только у Гавриила Петрова стояла русская печь. Изразцовая печь была важным элементом модного украшения интерьера, и в изучаемый период она была уже не только у богатых горожан, но и у мещан среднего достатка [28, с. 114]. А вот собственных источников питьевой воды в описанных домовладениях не было ни у кого, кроме Ивойловой, которая пользовалась вырытым во дворе колодцем. Это было существенным признаком высокого качества жизни, поскольку проблема чистой питьевой воды была одной

из острых в Казани. Жители города брали воду из Волги, которая отстояла от города на шесть верст, что делало доставку воды довольно затруднительной. Как отмечал живший в Казани в 1825 г. И.И. Лажечников, «остается казанцам довольствоваться водой из озера Кабан, где летом купают лошадей и куда зимой свозят всякую нечистоту. Как здорова она, можно судить по зеленым шапкам, всплывающим на ней, когда ее кипятят, и по роям зеленых букашек, появляющихся в ней, когда она постоит в сосуде хотя четверть часа». Эту воду по казанским улицам развозили водовозы – непременный атрибут повседневной жизни горожан [11, с. 493]. Но даже колодезная вода была невысокого качества, грязная и с большим количеством известковых примесей [4, с. 89].

Важным аспектом бытовой повседневности являются санитарные удобства. Так же, как появление нижнего белья является признаком обособления скрытой от всех глаз сферы интимности, так и «нужное место» – сфера деликатной приватности. Большинство описанных домовладений традиционно вообще не имело предназначенных для этого строений, что свидетельствует об известной архаичности бытового поведения мещан. Но и в этом аспекте повседневной жизни появляются перемены: в описанных домовладениях отмечен нужник при сенях у Ягоферова, а у Ивойловой – целых два «нужных места», одно деревянное дощатое, а другое капитальное каменное.

Таким образом, исследуя визуальные характеристики мещанского дома как структуры повседневности, мы наблюдаем противоречивые явления. С одной стороны, дом несет смыслы, отражающие восприятие мира, характерное для традиционных доиндустриальных обществ. Дом отгораживал мещанина от внешнего мира, был средоточием одновременно частной жизни и хозяйственной деятельности, приватная сфера повседневной жизни еще не выделена особой зоной. В то же время очевидны новые веяния: жизнь мещанина становится более открытой и уже далеко не все жизненные процессы протекают строго внутри дома. Житейская функциональность соседствует с модными веяниями и эстетическими запросами, начинается обособление частной жизни и осознание ее значимости. Мещанский дом постепенно приближается к дому горожанина индустриальной эпохи.

Литература

1. Анохина Л.А. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем: на примере г. Калуга, Елец, Ефремов / Л.А. Анохина, М.Н. Шмелева. – М.: Наука, 1977. – 360 с.
2. Баренбаум И.Е. Перевод и издание французской книги по военному и морскому делу (вторая половина XVIII века) / И.Е. Баренбаум // Научная книга. – 2004. – № 24 (2004/2). – URL: http://www.naukaran.ru/sb/2004_2/14.shtml
3. Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр / пер. с фр. и сопроводит. статья С. Зенкина. – М.: Рудомино, 1999. – 224 с.
4. Вишленкова Е.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX–XX вв / Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 452 с.
5. Власов В.Г. Архитектура. Словарь терминов / В.Г. Власов. – URL: <http://www.rusarch.ru/vlasov1.htm>
6. Герцен А.И. Концы и начала / А.И. Герцен. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/intell/ger_konnach.php
7. Достоевский Ф.М. Дядюшкин сон. Село Степанчиково и его обитатели. Скверный анекдот. Зимние заметки о летних впечатлениях / Ф.М. Достоевский. – Л.: Лениздат, 1982. – 444 с.
8. Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 704 с.
9. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. / Р.В. Иванов-Разумник. – СПб., 1907. – Т. 1. – С. 15.
10. Ильин И.А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М.: Республика, 1993. – 430 с.
11. Лажечников И.И. Как я знал М.Л. Магницкого / И.И. Лажечников // Лажечников И.И. Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. – М.: Советская Россия, 1989. – С. 476–498.
12. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи. – Таллинн, 1992. – Т. 1. – С. 296–336.
13. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи. – Таллинн, 1992. – Т. 1. – С. 248–268.
14. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НАРТ). – Ф. 139. Оп. 1. Д. 9.
15. НАРТ. – Ф. 114. Оп. 1. Д. 235.
16. НАРТ. – Ф. 114. Оп. 1. Д. 3430.
17. НАРТ. – Ф. 114. Оп. 1. Д. 436.

18. НАРТ. – Ф. 138. Оп. 1. Д. 21.
19. НАРТ. – Ф. 138. Оп. 2. Д. 1.
20. НАРТ. – Ф. 139. Оп. 1. Д. 16.
21. НАРТ. – Ф. 139. Оп. 1. Д. 18.
22. НАРТ. – Ф. 139. Оп. 1. Д. 9.
23. НАРТ. – Ф. 22. Оп. 1. Д. 361.
24. НАРТ. – Ф. 26. Оп. 1. Д. 361.
25. НАРТ. – Ф. 26. Оп. 1. Д. 553.
26. НАРТ. – Ф. 570. Оп. 1. Д. 1.
27. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. – М.: ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 2. – 799 с.
28. Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города / М.Г. Рабинович. – М.: Наука, 1988. – 312 с.
29. Цивьян Т. Дом в фольклорной модели мира (на материалах балканских загадок) / Т. Цивьян // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1978. – Т. 10. – С. 65–85.
30. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер // Культурология. XX век. Антология / гл. ред. и сост. С.Я. Левит. – М.: Юрист, 1995. – С. 432–454.

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОНИМАНИИ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР (ОПЫТ ВКЛЮЧЕННОГО НАБЛЮДЕНИЯ)

Гарифзянова Альбина Раисовна

*кандидат философских наук, доцент, Елабужский институт
Казанского федерального университета, Россия, г. Елабуга
e-mail: albina.garifzyanova@gmail.com*

Аннотация. Этнографическое исследование незаменимо при изучении повседневности молодежи, ее настроений и активностей. Само по себе современное социологическое исследование, базирующееся на качественной методологии, чаще всего предполагает визуальное фиксирование окружающей реальности. Полевые наблюдения сегодня – это не только исследовательские дневники, интервью, но и визуальный текст, который подчас играет ведущую роль при понимании смыслов и выражает больше, чем слова.

Ключевые слова: исследование, субкультуры, молодежь, метод включенного наблюдения, визуальное исследование, полевое исследование, социология.